

**Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах «Сэфер»
Межрегиональный центр преподавания иврита**

Язык иврит: исследование и преподавание

Материалы XVII Международной ежегодной
конференции по иудаике

Том III

Академическая серия

Выпуск 32

Москва 2010

**The Moscow Center for University Teaching of Jewish
Civilization “Sefer”**

The Inter-Regional Centre of Hebrew Teaching

Hebrew Language: Research and Teaching

Proceedings of the Seventeenth Annual International
Conference on Jewish Studies

Volume III

Academic Series

Issue 32

Moscow 2010

Общая редакция: Е.Б. Марьянчик, Ю.Н. Кондракова

Editorial Board:

Evgueny Marianchik, Yulia Kondrakova

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Published with the support of

Американского Еврейского Объединенного
Распределительного Комитета (Джойнт)

The American Jewish Joint
Distribution Committee (Joint)

Фонда Ави Хай

Avi Chai Foundation

ISBN 978-5-98604-197-1

© Центр научных работников
и преподавателей в вузах
"Сэфер", 2010

© Межрегиональный центр
преподавания иврита, 2010

© Коллектив авторов, 2010

Греческая субстантивация и ее аналог в семитских языках

Субстантивация – это процесс перехода какой-либо части речи в существительное. В древнегреческом языке это явление охватывало не только отдельные слова, но также словосочетания и даже предложения. Перед такими субстантивированными конструкциями обычно стоит определенный артикль-детерминант, не относящийся ни к одному члену последующей части предложения. И, таким образом, вся субстантивированная часть, как бы велика она не была, воспринимается как единое целое, хотя, кроме детерминирующего артикля, согласование с главной частью больше никак не выражается.

Подобные явления встречаются и в других индоевропейских языках. Например, в русском, где нет определенного артикля, его место занимает относительное местоимение: *у меня есть, что поест* = *у меня есть еда*. Однако, пожалуй, лишь древнегреческий язык позволял себе субстантивировать столь большие конструкции, что при их переводе возникают определенные сложности, так как данной фразе трудно подобрать соответствующий эквивалент. В одной из македонских надписей субстантивируется следующий отрезок: «Ὑπὲρ σωτηρίας Ἀυτοκράτορος Τραϊάνου Νέρουα Σεβαστοῦ υἱὸς Σεβαστὸς Γερμανικοῦ Δακικὸς Μεννέας Βεεκιάβου τοῦ Βεελιάβου πατρὸς Νετείρου, τοῦ ἀποθεωθῆτος ἐν τῷ λέβητι, **δι' οὗ αἱ ὀρταὶ ἀγωνταί, ἐπίσκοπος πάντων τῶν ἐνθάδε γεγονότων ἐργῶν κατ' εὐσεβείας ἀνέθηκεν θεᾷ Λευκοθέᾳ Σεγερίας**» [8] О спасении императора Траяна Нерона августейшего сына августейшего Германика Дакия Мения Беекиаба отца Беелиаба Нетерия, обожествленного в урне (для сожжения) *через (тех), кто сказал бы, увидев его: епископ всех случившихся здесь дел пожертвовал на богоугодные дела (на благо, на культ) богине Левкотее Сегерийской.* Здесь предлог **δι** определяет падеж (родительный) артикля **οὗ**, который стоит в единственном числе мужского/среднего рода и после которого идет артикль подлежащего *ο ρταί* (глагольное существительное) во множественном числе именительном падеже женского рода и согласуемое с этим подлежащим сказуемое в конъюнктиве. Часть, следующая за *αι ορταί αγωνται*, представляет собой прямую речь, которая тоже субстанти-

вирована, поэтому все, что следует за детерминирующим, артиклем воспринимается как единое целое.

Способность к столь обширной субстантивации древнегреческого языка, на наш взгляд, можно объяснить особенностью мировосприятия греков. Организация мира греческой поэзии и философии – это «космос», законосообразная и симметричная пространственная структура. «Внутри «космоса» даже время дано в модусе пространственности: в самом деле, учение о вечном возврате, явно или неявно присутствующее во всех греческих концепциях бытия, как мифологических, так и философских, отнимает у времени столь характерное для него свойство *необратимости* и придает ему мыслимое лишь в пространстве свойство *симметрии*» [1, 269]. Космическое восприятие пространства и времени предполагает возможность существования в едином пространственном отрезке одновременно прошлого, настоящего и будущего. А это, в свою очередь, предполагает возможность восприятия нескольких линейно следующих друг за другом событий «в одном кадре», как единую картину. Так человек, глядя на полотно с пейзажем, воспринимает все его элементы в совокупности, как «остановленное мгновение». Все это можно характеризовать как *описательный образ мышления*. Однако, «если у греков временное восприятие находилось под сильным воздействием морфологического осмысления действительности, то римские историки более восприимчивы к линейному течению времени, и ход истории они осмысливают, опираясь на определенные исходные моменты действительной истории (основание Рима и т.д.)» [7, 80-81]. Следовательно, в латинском языке, у носителей которого превалировало *линейное* (повествовательное) мышление, способность к субстантивации значительно снижена. В латинских текстах единая мысль обычно разложена на ряд структурно организованных придаточных конструкций.

Особенности *космического* и *линейного* мышления, а, следовательно, возможность возникновения обширной субстантивации конструкций в том или ином языке объясняется особенностями человеческой психики, что опирается на функции левого и правого полушарий человеческого мозга. Восприятие единых зри-

тельных образов главным образом связаны с работой *височной доли правого полушария* [2, 82]. «Известно, что грамотные японцы и по сей день пользуются одновременно *иероглификой* – понятийным словесным письмом, в котором каждое значение передается отдельным иероглифом, и звуковой азбукой, записывающей звучание слов, но не их смысл» [5, 24]. Результаты обследования японцев с поражениями левого или правого полушарий показывают, что «при поражении левого полушария у японцев страдает слоговое письмо (хирагана и катакана), но не иероглифика. Больные с нарушениями нормальной работы правого полушария не могут... сделать именно то, что необходимо для пользования иероглификой» [5, 24]. Таким образом, можно заключить, что возможность возникновения субстантивации в языке, а также возможность воспринимать временной отрезок как единый образ формируется у носителей языка с более развитым правым полушарием.

Особенности работы левого и правого полушарий головного мозга также влияют на возникновение *зеркального письма*. Обычно этот феномен возникает у правой и чаще всего при поражении левого полушария мозга [2, 84]. По мнению Т.А. Доброхотовой и Н.Н. Брагиной, это объясняется тем, что «из-за наступающего паралича правых конечностей больные вынуждены писать левой рукой. Однако у левшей зеркальное письмо наблюдается и вне болезни, появляется оно, как правило, при письме левой рукой» [4, 131-132]. Некоторые исследователи считают, что зеркальное письмо является нормальным для левшей. При этом следует вспомнить, что древнеегипетская цивилизация оставила нам немало надписей, в которых «левая половина повторяет правую как бы в зеркальном отображении, с общим каждый раз для правой и левой стороны знаком жизни – «(Да) живет» - посередине» [6, 19].

Возвращаясь к древнегреческому языку, нужно отметить, что наиболее древние греческие памятники написаны *бустрофедоном* (поворот быка), а этот принцип письма представляет собой поворот строк сначала слева направо, потом справа налево, что также можно считать зеркальным письмом. Следовательно, к

особенностям правополушарного мышления можно отнести не только возникновение субстантивации в языке, но и феномен зеркального письма. По мнению А.Л. Вассоевича, правополушарное мышление характерно и для носителей языков с направлением письма справа налево [2, 86]. Таким образом, в языках, где направление письма справа налево, можно также предположить возникновение обширной субстантивации. «Вообще, само направление справа налево, характерное не только для зеркального письма левой или лиц с поражением левого полушария мозга, является предпочтительным для древнеегипетской письменности в целом. Справа налево писало и пишет большинство носителей семито-хамитских языков» [2, 86]. Теперь обратимся к материалу некоторых семитских языков для определения способов субстантивации.

В семитских языках образуются сопряженные сочетания, которые в некоторой степени можно аналогизировать греческой субстантивации. Сопряженные сочетания обычно двукомпонентны и представляют собой соединенные артиклем слова, связанные отношением принадлежности или определения, например, араб. *bābu-l-baḥī* «дверь дома» или иврит *’em haḥēled* «мать ребенка» [3, 185]. Но в отличие от греческого, артикль не стоит перед сочетанием, а находится внутри него. Отчасти это можно объяснить отсутствием столь развитой, как в греческом языке, падежной системы, так что артикль в семитских сопряженных сочетаниях выполняет также падежные функции.

Б.М. Гранде считает, что первое слово в сопряженном сочетании может одновременно выполнять функции прилагательного и существительного. «В иврите синтаксическая равнозначность подобных слов именам существительным выступает еще более рельефно, чем в арабском, например: *hannešer haggādōl g’dōl hakk’naḥaḥīm ’ereḵ hā’eber mālē hannōšā* «большой орел с большими крыльями, длинными маховыми перьями, с полным оперением». Здесь слова с семантикой прилагательных (*g’dōl* «большой», *’ereḵ* «длинный», *mālē* «полный») находятся в сопряженном сочетании с последующими именами. В арабском языке (...) артиклем определяется все сочетание как грамматическая единица,

несмотря на то, что внутри сочетания оба слова сохраняют свой морфологический характер» [3, 185]. Таким образом, семитское сопряженное сочетание можно также считать определенным способом субстантивации, когда словосочетание представляет собой единый образ. Хотя такому способу субстантивации скорее соответствует русское несогласованное определение: *девочка с голубыми глазами*.

По результатам сопоставления способов субстантивации в древнегреческом и некоторых семитских языках можно сделать следующие выводы. Семитские языки не обладают столь обширными возможностями субстантивации, как древнегреческий язык, однако в них слова могут находиться в сопряженном состоянии и также представлять единую картину для восприятия. Возникновение способности к субстантивации в этих языках отчасти объясняется *правополушарным* мышлением их носителей. Меньшие возможности к субстантивации в семитских языках, вероятно, можно объяснить отсутствием в них хорошо развитой падежной системы. Кроме того, в семитских языках существует внутреннее противоречие на ментальном уровне. Здесь мифологические представления не равнозначны греческому «космосу». «Мир Библии – это «олам», т.е. поток временного свершения, несущий в себе все вещи, или мир как история. (...) Внутри «олама» даже пространство дано в модусе временной динамики – как «вместилище» необратимых событий» [1, 269]. Такое мировосприятие подтверждает изначальное возникновение в семитских языках не полной системы времен (прошлое, настоящее, будущее), а восприятие действия как совершенного или несовершенного [2, 429]. Следовательно, при общем преобладании у греков и семитов правополушарного мышления, обширная субстантивация в греческом катализируется «космичностью» восприятия, что порождает объемные субстантивированные конструкции, а в семитских языках частичная «линейность» мышления порождает в основном лишь небольшие сопряженные сочетания.

Библиография

1. Аверинцев С.С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья (общие замечания) // Античность и Византия. М., 1975.
2. Вассоевич А.П. Духовный мир народов классического Востока. (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). СПб. 1998.
3. Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. 2-е изд. М., 1988.
4. Доброхотова Т.А., Брагина Н.Н. Загадка неправорукого меньшинства человечества. //Вопросы философии, 1980, № 1.
5. Иванов Вяч.Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. – М., 1978.
6. Перепелкин Ю.Я. Переворот Аменхотепа IV. Ч. 1. Кн. I и II. М., 1967, § 7.
7. Таривердиева М.А. От латинской грамматики к латинским текстам (Латинское предложение: форма и смысл). М., 1997.
8. <http://epigraphy.packhum.org/inscriptions/main?url=allregions>.